

ПОСЛЕДНИЙ ВИЗИТ

Последнее письмо в своей жизни, продиктованное 3 ноября 1910 года В. Г. Черткову, Лев Николаевич Толстой адресовал Эйлеру Мооду. Эйлер Моод (1858—1938 гг.) — английский переводчик и издатель произведений Толстого. Учился в Лондоне, а затем был отправлен продолжать образование в Московский лицей. Познакомился с Толстым зимой 1895/96 года и бывал у него в Москве и Ясной Поляне. В 1897 году Э. Моод вместе со своей семьей переселился в Англию и с тех пор занялся переводами и пропагандой творчества Л. Толстого.

9 августа 1902 года Э. Моод приехал в Ясную Поляну и пробыл там до 13-го числа. Целью поездки был сбор материала для биографии Толстого, которую он задумал написать и над которой впоследствии много лет работал. Приезжал Моод в Ясную Поляну в 1906 и в 1909 годах.

«Жизнь Толстого» вышла в Лондоне в двух томах. Первый, который имел подзаголовок «Первые пятьдесят лет», вышел в свет в 1908 году, второй — «Последующие годы» — появился в 1910 году.

Второй том своей биографии, составленной Э. Моодом, и его письмо Толстой получил 24 сентября. В этом письме английский биограф освещался о здоровье писателя и сообщал, что хочет прислать в Россию деньги, полученные им за перевод романа «Воскресение» с тем, чтобы Толстой раздал их нуждающимся яснополянским крестьянам. Толстой ответил Мооду не сразу. 3 ноября 1910 года в Астапово, уже тяжело больной, он рассказал В. Г. Черткову о письме. Сил писать у Толстого не было, и он начал диктовать Черткову письмо Мооду, но так и не кончил его. В этом последнем своем письме Толстой сообщал своему английскому переводчику: «На пути к тому месту, где я хотел найти уединения, я заболел».

После смерти писателя Э. Моод посвятил всю свою жизнь популяризации творчества Толстого в Англии. Вместе со своей женой Луизой Моод он перевел романы «Война и мир», «Анна Каренина», повести «Детство», «Отрочество», «Юность», «Смерть Ивана Ильича», «Хаджи Мурат», «Крейцерову сонату», несколько сборников пьес и рассказов писателя. Был редактором 21-томного собрания сочинений Толстого, выходившего в Англии с 1928 по 1937 год. Он автор многих предисловий к произведениям русского писателя.

В. АЛЕКСАНДРОВ.

С тех пор, как я посетил Ясную Поляну и ее хозяина в 1897 году, прошло пять лет. Место изменилось мало. Дом по-прежнему был таким же простым и прочным, со старомодной, скорее простой мебелью, но вместе с тем удобной, просторной и хорошо подходящей для своей цели. Большие пространства, казалось, были еще более запущены и заросли сильнее, чем прежде, как будто говоря, что их хозяин был поглощен делами более важными, чем красота его садов.

Сам Толстой медленно поправлялся после тяжелой болезни, во время которой он был при смерти. Врачи, которые почти отказались его лечить, ставили один за другим диагнозы: грудная жаба, двустороннее воспаление легких, плеврит и даже брюшной тиф. Тем не менее сильный организм Толстого медленно одолевал болезнь, и во время моего визита он быстро поправлялся, хотя все еще был так слаб, что радовался, когда ему помогали подняться по лестнице после двухмильной прогулки. Еще я заметил, что по временам он должен был оставлять компанию в большой комнате, которая служила как столовая и гостиная, чтобы пойти и лечь.

Графиня имела обыкновение рассказывать даже случайным посетителям о своих трудностях и о взглядах, противоположных мужу, которых она придерживалась, но я замечал много признаков ее любви и заботы о нем. Фантастические заметки, которые появляются время от времени в наших газетах и журналах об отношениях в их семье, в искаженном свете представляют его и особенно ее. Ссылаясь на одну такую статью, которая была напечатана вскоре после моего визита, Толстой писал мне: «Мои отношения к жене, мое уважение и любовь к ней, наша дружная сорокалетняя семейная жизнь слишком известна всем знающим нас, и жена моя известна слишком многим, чтобы статья какого-то журналиста могла как-нибудь повлиять на репутацию моей жены».

Но вернемся к событиям четырех дней моего пребывания в доме Толстого: два его младших сына со своими женами ненадолго заехали в Ясную Поляну, куда пришло еще не менее четырнадцати посетителей. Если я упомяну о некоторых из них, то покажу разнообразие лиц, которые окружают писателя.

Одним из них был В. В. Стасов, известный критик и писатель, который возглавляет императорскую академическую библиотеку в С.-Петербурге. Он старый друг этой семьи. Его огромное знание книг, а также большая библиотека, находящаяся в его распоряжении, делают его очень полезным Толстому. Стасов отнюдь не разделяет всех взглядов Толстого, однако испытывает самое высокое уважение к нему. Он сказал мне, что среди великих писателей в России есть три, которые исключительно интеллектуальны, это: Герцен, Грибоедов и Толстой.

Другим посетителем был Стахович, губернский предводитель дворянства в Орле, который некоторое время тому назад произнес речь о религиозной веротерпимости. В то время это был поступок не-

слыханной смелости и произвел огромную сенсацию. Сипагин, министр внутренних дел, направил Стаховичу выговор, который тот отказался принять до тех пор, пока он не будет исходить от императора. После этого он получил письмо от императора, который выражал обиду по поводу некоторых произнесенных Стаховичем выражений. Именно в связи с этим письмом и своим ответом он приехал поговорить с Толстым.

В те темные дни бюрократического деспотизма, когда в России лишь немногие люди осмеливались считать свои души собственными, Толстой всегда очень тепло поддерживал любое утверждение личного достоинства в противовес официальному высокомерию.

Несколько молодых людей, родственников Стаховича, пришло с ним, чтобы посмотреть на Толстого. Это был их первый визит в Ясную и, очевидно, большое событие в их жизни. Толстой не упустил возможности посеять в их умах семена антивоенных и вегетарианских принципов, а также принципов национализации земли. В атмосфере этого дома существовало заразительное чувство важности того, что происходило в его стенах, и это заметно проявлялось в посетителях. В этом доме было много веселья, но его отличительное свойство происходило от деятельной жизни, которая там протекала. Чувствовалось, как будто нас пригласили участвовать в непосредственном духовном возрождении рода человеческого.

Только случайно можно было заставить Толстого рассказать о таких вещах, как его жизнь во время осады Севастополя, и других личных переживаниях.

Толстой свободно говорит по-французски и по-немецки. По-английски он читает совершенно свободно и хорошо говорит, хотя со мной он предпочитал говорить по-русски.

Еще он знает итальянский. Из древних языков, помимо греческого, он владеет латинским и древнееврейским, но последнее плохо.

О пользе изучения языков он сказал, что они помогают братскому общению людей. Встреча с людьми, с которыми ты не можешь разговаривать, вызывает неприязнь. Речь соединяет нас.

Графиня упомянула о том, что один издатели недавно предложил полмиллиона рублей за авторское право на сочинения ее мужа, но последний непреклонно придерживается своего отказа от всех подобных прав. Другой издатель, Маркс, предлагал 200.000 рублей за авторское право сроком на два года, но тоже без большого успеха. Однако, когда я высказал Толстому свои собственные соображения по поводу авторского права на сделанные мною переводы его сочинений, он не возражал, а только сказал: «Этот вопрос я не рассматривал со стороны практической выгоды».

Единственный признак слабости, который я заметил во время этого визита, заключался в том, что Толстой на время отказался от своей любимой игры в шахматы, в которую он обычно играл с большим умением. Я видел, как он выиграл партию простой комбинацией нескольких ходов, выводя пешку в ферзи из позиции, которая, казалось, давала мало шанса на это.

Когда он здоров, он приходит к завтраку около девяти часов, не задерживается за столом долго и берет чай в свою комнату. Помимо короткой прогулки или купания в пруду, его не видно все утро, и графиня старается, чтобы его не беспокоили. К часу или двум он вновь появляется на второй завтрак. День он обычно проводит в прогулке пешком или на лошади — один или с посетителями; но он не чувствует себя удовлетворенным до тех пор, пока не найдет немного времени перед обедом для чтения. Вечером дружеские встречи занимают большую часть времени. Поздно вечером прибывают с почтой письма и читаются, это последнее занятие перед тем, как отправиться спать.

Он часто очень высоко отзывался о сочинениях других писателей, причем хвалил Диккенса, полный список книг и отдельных статей которого он просил меня достать для него.

Однако тема, к которой он чаще всего возвращался, была религия. «Бог есть любовь», — говорил он, — любовь — движущая сила жизни. Мы не можем увеличить меру, в которой мы владеем ею. Но мы можем устранить все, что препятствует ей, признав ее важность».

Слушать морщинистого старика с лохматыми торчащими бровями, буравящим взглядом и жестокой критикой почти всех дел и интересов своих собратьев, так искренне настаивавшем на крайней важности любви, было необычно.

Одной из замечательных черт Толстого является многосторонность его деятельности и его постоянная готовность знать все по опыту. В качестве примера этого позвольте мне рассказать здесь историю, относящуюся к голодным 1891 и 1892 годам, рассказанную мне банкиром А. Н. Дунаевым, замечательным, великодушным человеком и близким другом Толстого. Встретив в ту пору Дунаева, Толстой сказал ему: «Ах, сколько бы пользы вы принесли, если бы вы смогли приехать и помочь мне организовать помощь в голодных губерниях!»

«Почему? — удивился Дунаев. — У вас и так много помешиков?» На что Толстой ответил: «Вы знаете, что я заметил? Именно те люди, которые свободны и которые приходят по первому зову, часто свободны просто потому, что их нашли ненужными в другом месте. Полезные люди всегда имеют свои привязанности».

Невозможно соответствующим образом описать мирную и тем не менее оживленную атмосферу его дома, переполненного посетителями, находящимися под влиянием великого человека. В своей записной книжке я нахожу записи своих чувств, испытанных при расставании с этим местом: «Замечательная и добрая семья, не говоря уже о гении Толстого. Его влияние ощущается в простоте, прямоте, доброте и уважении, оказанном всем в этом доме».

Наконец наступило время моего возвращения в Москву.

Стояла прекрасная лунная ночь. Холмистая местность выглядела красивой, неподвижный воздух был напоен ароматом полей. Полный мыслей о Толстом и о других, которых я встретил и с которыми дружески общался, я шел по направлению к придорожной станции и подошел к одному месту около леса, где было величественное эхо. Чтобы проверить эхо, какой-то мелодичный голос вдалеке пропел: «Я — люблю — вас!», и эхо ясно ответило: «Я — люблю — вас!» Казалось, это подолжало продолжение визита, который хранится в моей памяти как один из самых замечательных периодов в моей жизни.

Душный, грязный, запаздывающий и переполненный поезд, который повез меня обратно в Москву, казалось, специально предназначался для того, чтобы подчеркнуть обвинение Толстого современной цивилизации.

НА СНИМКЕ: Л. Н. Толстой и А. М. Горький. 1900 г. Ясная Поляна.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНКУРСЫ

СЛЕСАРНЫЙ МАРАФОН

Под сводами одного из цехов московского завода «Станкоиния» утром 31 августа сияли киносъемочные юпитеры и диги, жужжали кинокамеры, щелкали фотоаппараты, звучала речь на семи языках. Ровно в 9.00 председатель 1-го Международного конкурса слесарей-инструментальщиков, главный инженер «Станкоинии» Юрий Прокопьевич Вазисов объявил начало состязаний. За столом жюри — ведущие специалисты из Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, СССР и ЧССР. Присутствуют заместитель министра станкостроительной и инструментальной промышленности СССР Василий Георгиевич Скрябин, представители ЦК профсоюза рабочих машиностроения и приборостроения (министерство и профсоюз организовали этот конкурс).

Участников 21 — они выстроились парадом перед рабочими столами. Это слесари-инструментальщики высшего класса, виртуозы, каждый на своем предприятии — номер один по инструментальной части. Георгий Христов (НРБ), Иуцен Думитру и Йон Маня (СРР), Норберт Мюллер и Лотар Плетнер (ГДР), Дьюла Новак и Ференц Уйхейн (ВНР), Эдвард Янковский и Джюк Вернер (ПНР), Станислав Раек и Франтишек Мрац (ЧССР). Советская команда: Вячеслав Горшков, Михаил Жук, Гирт Звибулис, Олег Зудин, Евгений Куликов, Алексей Мещан, Петр Падур, Юрий Савин, Борис Соколов, Виктор Тарасов. Это «Красный пролетарий» и «Красный Чепель», это «Карл Цейс Йена» и «Станкоиния», «Калибр» и «Збройовка» (Брно), это Минск и Дубница, Бухарест и Рязань, Рига и Варшава, Харьков и Будапешт, Тирасполь и Хермесдорф...

Все команды выглядят нарядно, например, венгерские слесари — в эффектных бордовых комбинезонах, польские — в темно-синих, их коллеги из Чехословакии — в голубых; наши, хотя и съехались с разных предприятий, из разных республик, тоже весьма импозантны в комбинезонах из джинсовой ткани.

Каждый получает массивную стальную плитку с вырезанной в ней звездочкой — матрицу пресс-формы. В распоряжении каждого набор напильников, лекальные линейки, штангенциркули, шаблоны, концевые меры, тиски, молоток и четыре с половиной часа. Деталь нужно обработать вручную по 43 параметрам. Требуемая точность — от 0,75 до 0,02 миллиметра (на разных параметрах). «Волнуетесь?» — спрашиваю польский тандем. «О, нет! Знакомое дело!» «Как пульс?» — спрашиваю парней из ГДР. «Как у Зигмунда Йена, нашего космонавта!»

За дело каждый берется по-своему. Один зажимает матрицу в тиски и начинает драить напильником, другой в тиски не зажимает — просто держит левой рукой, а напильник в правой, третий перекладывает инструменты на свой манер — как ему привычнее, четвертый насвистывает, пятый напевает, шестой и седьмой переговариваются... Но все действуют. Не спеша, с достоинством, уважая себя и соперников, как истинные мастера, звезды первой величины на слесарно-инструментальном небосклоне. Это для них хотя и экзамен, но очень праздничный. А уж видеть такую работу — наслаждение. Поистине апофеоз рабочего мастерства!

Какой же в результате обработки должна стать стальная деталь? «Вы не заметите разницы, — сказали мне инженеры «Станкоинии», оказавшиеся на открытии состязаний. — В ней разберется лишь специалист. Это едва различимые штрихи, так сказать, прикосновения инструмента, направляемого искусной рукой. По филигранности работы и можно будет судить о степени квалификации каждого из этих мастеров. Бесспорно, у всех квалификация высшая, но и на вершине есть своя градация».

Через четыре с половиной часа они свежи, как на старте. Жюри удалится с двадцатью одной обработанной матрицей. Судя по всему, мастера задали своим арбитрам нелегкую задачу: когда этот номер «Недели» подписывался в печать, жюри еще заседало. Но одно несомненно: разница между произведениями победителей, призеров и остальных участников — меньше, чем в 0,02 миллиметра.

Э. ЦЕРКОВЕР.